

Глава 1

НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

В начале 1944 года на фронте установилось некоторое затишье, протекали бои лишь местного значения, не менявшие общей картины сражений. Но уже в феврале был образован Первый Белорусский фронт и даже рядовому составу стало понятно, что грядет нечто серьезное: из штаба фронта на передовую зачастили инспектирующие офицеры, к линии разграничения с противником активно стали подтягивать танки и тяжелую артиллерию, а потрепанные в боях части направлялись в тыл на переформирование, вместо них пребывало из глубокого тыла пополнение.

Ожидания вскоре оправдались. В конце февраля правое крыло Белорусского фронта провело Рогачёвско-Желобинскую операцию, в результате которой войска вышли к Днепру, на правом берегу они отвоевали крупный плацдарм и освободили город Рогачёв. Эвакуационный госпиталь, в котором работала военврач Вера Колесникова, вошел в город вместе с передовыми частями Красной армии. Раненые поступали сплошным потоком. Госпиталь, рассчитанный на пятьсот человек, расширили поначалу до семисот коек, а через две недели увеличили до тысячи.

Работы было много, часто сложной. Требовалось поставить диагнозы поступающим, провести медицинскую сортировку. Если того требовали обстоятельства, раненым оказывали неотложную медицинскую помощь, после чего раненых и больных распределяли по лечебным учреждениям госпитальной базы.

Вера отвечала за прием раненых и больных, а также за их подготовку для дальнейшей эвакуации в тыл. Тут было много сложностей: бесконечно менялась боевая и медицинская обстановка, и даже в тылу, где, казалось бы, уже не встретишь немецких танков, нельзя было уберечься от бомбардировки. А еще катастрофически не хватало грузовых автомобилей, которые ездили на последнем издыхании, а потому нередко приходилось обращаться к командирам дивизий, чтобы помогли с техникой.

Дороги были разбиты бомбами, и путь до госпиталей часто выдавался долгим, отчего многие раненые, не дождавшись надлежащей помощи, умирали прямо по пути в госпиталь, что было горше всего. Могильные холмики с фанерными памятниками и со звездой на вершине виднелись на всем продвижении сортировочно-эвакуационного госпиталя.

Отправив очередную партию раненых в эвакуацию в глубокий тыл, старший лейтенант Колесникова вышла на свежий морозный воздух. Климат в Белоруссии был иным, нежели в Тобольске, где она проживала до войны. Там заснеженно и морозно. В местных же краях даже стужа то и дело прерывалась оттепелью, оставлявшей на белой глади снега черные проталины.

Дышалось легко. Полной грудью. В кармане полусмятая пачка папирос. Очень хотелось курить, казалось, что едкий дым хоть ненадолго помогал позабыть пережитое. Как-то незаметно для себя самой Вера заделалась заядлым курильщиком: сначала выкуривала папироску за компанию, потом в какой-то момент обнаружила, что табачный дым доставляет ей удовольствие, а немногим позже осознала, что без ощущения табачной горечи не может прожить и дня.

Невольно улыбнулась, вспоминая о том, с каким ужасом смотрела на нее мать, увидевшая любимую дочь с папиросой в зубах. Тотчас, не стесняясь присутствующих, она отчитала Веру за скверную привычку. Пусть нарекания

прозвучали не столь категорично, с мягкими материнскими интонациями, по-интеллигентному, как это она умела, но Вере тогда стало немного не по себе.

— Что же мне сказать твоему отцу, профессору медицины? Его разлюбезная дочь стала заядлой курильщицей?

— Ну, мама... — пыталась оправдаться Вера.

— И знаешь, что он мне ответит на это? Он просто не поверит в сказанное! Он так и скажет: этого не может быть!

Казалось, что папирота в руках дочери расстраивает ее куда больше, чем незадавшееся замужество или прошлогодняя контузия, после которой Вера долго лежала на излечении. Как ей объяснить, что она уже не прежняя наивная девочка, что она уже взрослая, огрубевшая, а за месяцы, проведенные на войне, столько всего пережила и столько увидела неподдельного горя и острой боли, что всего этого хватило бы на несколько обычных жизней.

И вряд ли отец, который просто без ума от своей умницы-дочери, укорил бы ее за выкуренный табачок хотя бы одним, пусть даже мягким, словом.

— Доченька, ты же знаешь, что наша семья из потомственных врачей. А твой прадед был лейб-медиком у Александра Второго. И никто из них никогда не курил.

В словах матери присутствовала некоторая доля лукавства: в семейном архиве имелась фотография, где Андрей Павлович Абросимов, работавший в Первой градской больнице, сидел за письменным столом с трубкой в руках.

— А как же Андрей Павлович? — с милой улыбкой возразила Вера.

— Это было баловство, — нашлась матушка, раздраженно отмахнувшись. — По-настоящему он никогда не курил.

Вере пришлось демонстративно затушить папироту в фарфоровой пепельнице и пообещать матери, что это был последний выкуренный табак в ее жизни.

Поначалу оно так и было. Длительное время Вера держалась, как могла. Но, когда на нее нахлынула новая волна

переживаний, не удержавшись, закурила вновь. Теперь она дымила постоянно, и ей было невероятно стыдно перед матерью за нарушенное обещание.

Первый раз Вера Колесникова встретилась с Прохором Бурмистровым, когда, стесняясь осуждающих взглядов на сигарету в руках женщины, она отошла подальше от госпитального корпуса и закурила, по-мужски крепко втянув в себя горьковатую струю табачного дыма.

— Девушка, а вы не подскажете, где тут приемно-сортировочное отделение?

Обернувшись, старший лейтенант Колесникова увидела высокого чернявого капитана с суровым лицом и твердым взглядом. Вот только когда их глаза встретились, черты его лица стали как-то мягче, лицо сделалось приветливым и сам он казался намного симпатичнее, чем в первые мгновения их встречи.

Невольно, чисто по-женски, больше интуитивно, Вера оценивала каждого понравившегося ей мужчину — получится с ним роман или нет? И вот сейчас ее истосковавшееся по любви женское сердечко вдруг запело: непременно получится, с этим парнем может сложиться очень красивый роман, о котором мечтает каждая романтическая барышня. То ли незнакомцу удалось прочесть ее грешные мысли, то ли он сам почувствовал нечто схожее с тем, что испытывала она, но он улыбнулся еще шире, обнажив два аккуратных ряда зубов.

— Это вон тот корпус, — охотно показала рукой Вера на двухэтажное здание, стоявшее по правую сторону от них. — Вход с боковой стороны. Нужно пройти прямо по коридору, а потом... Не найдете, — швырнув папиросу в сторону, добавила: — Давайте я вас лучше провожу.

— Так вы же не докурили, — обескураженно проговорил капитан. — Самая сладость осталась!

— Не до нее... Мне уже пора — и так задержалась. А потом, мне мама запрещает курить, нужно отучиться от этой скверной привычки, — серьезным тоном призналась Колесникова, чем вызвала у парня громкий и очень искренний смех.

Встречаются же такие парни, которые сразу нравятся. Ничего особенного для этого они не делают. Ведут себя естественно, быть может, чуток озорно и более раскованно, чем следовало бы, но ничего не можешь с собой поделать, — тянет к ним какой-то непреодолимой силой, и пропало женское сердечко!

Прошли в коридор, где вдоль стен стояли кровати с тяжелоранеными, а несколько легкораненых, в основном с поврежденным плечевым поясом, уже отсортированные, стояли в сторонке и дожидались скорой отправки в тыловую госпиталь.

В помещении пахло медикаментами, и отчетливо чувствовались приторный запах крови и тошнотворный — гноя.

— Вы кого-то хотели навестить? — поинтересовалась Вера, внимательнее присматриваясь к лицу капитана.

Откуда берутся такие красавчики? Что за женщины их рожают? Видно, для того, чтобы вгонять девок в греховную радость. Вера почувствовала, как к лицу подступил жар, и очень хотелось верить, что шедший рядом капитан не заметит ее смятаения.

— Друга навещаю... В грудь его ранило.

— Как его фамилия? — насторожилась Вера.

— Старший лейтенант Воробьев, — с некоторой надеждой на то, что ему удастся увидеть друга, отвечал новый знакомый.

— Его привезли вчера? — приостановилась Вера, выжидательно посмотрев на капитана. Слегка выступающие скулы, прямой нос с горбинкой, серые глаза с легким прищуром, острый взгляд, подбородок волевой, с крупной ямочкой посередине, рослый — на такого парня приятно смотреть снизу вверх, ощущать себя крошечной девочкой, чувствовать его защиту. Наверняка у него очень крепкие руки. Как хорошо положить ладони на его руки и пальцами почувствовать их силу.

До чего только не додумаешься, глядя на симпатичного, располагающего к себе парня. А все потому, что нет никакой личной жизни. Да и как можно думать на войне о

чем-нибудь личном? Каждый день проходит, как в угаре, и в точности напоминает предыдущий — бесконечный поток раненых, которых нужно принять, прооперировать, о которых следует позаботиться. И для подавляющего их числа она и врач, и сестра, и даже мать в одном лице.

За время работы в госпитале через ее руки прошло такое огромное количество больных и раненых, что все они стали казаться ей на одно лицо. Помнились лишь особенно тяжелые и те, кого не удалось спасти. А упомянутого старшего лейтенанта с осколочным ранением в грудь она запомнила особенно хорошо. Не только потому, что в тот день находилась на приемке. Запомнилось его белое лицо, искаженное от испытываемой боли. Его ранение относилось к особо тяжелым, существовал риск, что повреждена диафрагма, в этом случае нарушается естественная граница между брюшной и грудной полостью. Как правило, процент выживших в подобных случаях небольшой. Старший лейтенант оставался в сознании, претерпевал невыносимые боли, что вызывало уважение к его мужеству, с каким он преодолевал страдания, — а ведь он должен был кричать от каждого вздоха.

— Я помню его, — негромко произнесла Вера, с сожалением вспоминая старшего лейтенанта. — У него было ранение в верхнюю половину груди, очень тяжелое. Легочной недостаточности не наблюдалось, он дышал хорошо. Мы его отправили первым же эшелонам. Такие, как он, едут в отдельном вагоне, он будет направлен в специальный торакоабдоминальный госпиталь.

— Ах, вот оно что, — тяжело выдохнул капитан. Его лицо помрачнело, а свет, еще какую-то минуту назад буквально лучившийся из его спокойных глаз, вдруг разом потускнел. — Может, обойдется? Есть надежда на выздоровление?

— Будем надеяться, что он поправится, — попыталась утешить Вера молодцеватого капитана. — Организм крепкий, а потом, за ним в поезде будет специальный уход. Ехать тоже недалеко.

— А куда его отправили?

— В триста шестой госпиталь. Он находится недалеко от железной дороги в Гомеле. На станции поезд уже будет поджидать госпитальные машины.

— Я вас понял... А я-то думал, что ему уже операцию сделали.

— У нас нет подходящего оборудования, и в наших полевых условиях мы не сумели бы предоставить ему необходимый уход.

— Понимаю, — невесело произнес капитан. — А как вас зовут?

Вопрос прозвучал неожиданно. Не самая подходящая ситуация для знакомства.

— Старший лейтенант медицинской службы Вера Колесникова, — официально представилась девушка, едва улыбнувшись.

— А меня просто Прохор, товарищ старший лейтенант.

— Тогда меня просто Вера.

— Я понимаю, вам нужно спешить. Вы не будете возражать, если я к вам зайду завтра вечером? — И уже после небольшой паузы поправился с досадой: — Ах, завтра вечером не смогу. А если послезавтра ближе к вечеру?

— А завтра вечером у вас другое свидание запланировано?

— Вовсе нет, на фронте как-то не до романов... Просто... Просто мне нужно будет отлучиться на сутки. Вы не подумайте чего-нибудь такого... У меня чай есть очень хороший. Для особого случая берегу. Чайку попьем, а еще трофейный шоколад имеется.

Вера улынулась. Как мало нужно на фронте, чтобы уговорить девушку на свидание: пообещал ей трофейного шоколада, и она уже не устоит. Случись их знакомство в мирное время где-нибудь в районе Садового кольца, парень проявил бы куда большую изобретательность: достал бы билеты в театр, сводил бы в кино, цветами бы задарил, а тут трофейная плитка шоколада заменяет сразу весь асортимент длительного ухаживания.

— Хорошо, от чая не откажусь. Вот если бы вы мне еще пачку немецких сигарет предложили, а то от нашей махорки у меня горло дерет, — честно призналась Колесникова. — А папиросы не всегда получается достать.

Прохор расплылся в добродушной улыбке.

— Принесу! — пообещал он. — Но, по мне, так это не курево вовсе, а баловство одно. Лучше дедовского самосада ничего нет.

— Послезавтра я вас жду, — произнесла Вера и, попрощавшись, скорым шагом заторопилась в приемные покои.

Госпиталь размещался в районной школе, и сюда с ближайших фронтов свозили контуженых и раненых. Кроватями с прибывшими были заставлены все помещения, их размещали в коридорах, для них разбили две большие палатки во дворе, но количество раненых не уменьшалось.

На эвакуацию была определена большая группа из пятисот человек, среди которых половина была тяжелых. Ждали военно-санитарного поезда, но он по какой-то причине опаздывал. На войне длительные задержки транспорта дело обычное. Вероятно, что на каком-то участке разбомбили пути, и в настоящую минуту железнодорожные бригады занимаются их восстановлением.

У самого порога приемного отделения Веру остановил начальник госпиталя подполковник Борянский и со свойственной ему деликатностью заговорил:

— Вера, мне тут позвонили... Через полчаса должен подъехать санитарный поезд. От нашего госпиталя старшим поедете вы, — и, видно, рассмотрев на лице девушки нечто похожее на недовольство, добавил: — Поймите меня правильно, больше никому. Конечно, я хотел бы оставить вас здесь, но что поделаешь... Нужно! Ваша помощь, как высококлассного специалиста будет просто необходима! Не отправлять же мне старшину Лепёшкина присматривать за ранеными! — едва ли не в сердцах воскликнул подполковник.

— Все так, Егор Ильич, — ответила Вера, понимая, что не будет ни обещанного шоколада, ни встречи с понра-

вившимся капитаном. А ведь она успела черт-те что себе напридумывать! Жаль, у них и в самом деле мог бы получиться очень красивый фронтовой роман.

— Так, значит, вы готовы, я оформляю документы? — с надеждой спросил Борянский.

— Конечно.

— Тогда у вас остается пятнадцать минут, чтобы собрать все самое необходимое, — произнес подполковник и, пожелав удачной дороги, заторопился по коридору.

* * *

Странная это штука — память. Вроде бы и поговорила с Прохором немного. Их знакомство не назовешь даже шапочным, но в память этот случайно встреченный капитан врезался так крепко, что не удавалось стереть никакими другими переживаниями. Видно, так и придется жить с этой занозой долгое время.

В чем же причина? Почему он не забывается? Мало ли было на фронте таких вот коротких встреч. Не перечсть! И никто из них не вспоминался: начисто стерлись из памяти, как будто бы их не было вовсе. А тут саднит сердце ноющей болью, и не знаешь, как унять душевную царапину.

А все потому, что Прохор не похож ни на кого другого, с кем ранее сводил ее случай. Вряд ли судьба предоставит второй такой шикарный шанс повстречать человека, который бы подходил ей по всем показателям, надуманным девичьей фантазией.

Последующие три месяца фронт неумолимо двигался на запад, а за ним, оставаясь во второй прифронтовой полосе, следовал эвакуационный госпиталь.

Следующая встреча с Прохором произошла неожиданно, на войне такое случается, а столкнулись они близ небольшой деревушки с символическим названием Счастливая. Что-то в облике майора, проходившего по другой стороне дороги, Вере показалось знакомым. Во всяком

случае, осанкой, жестом, даже поворотом головы он очень напоминал ей Прохора. Вот только смущало его звание — ведь во время первой встречи он был капитаном. Но когда майор повернулся к ней лицом, то Вера невольно обмерла. Перед ней был Прохор! Бывает же такое...

На какой-то момент весь мир перестал для нее существовать, и сама она будто бы провалилась в какое-то безмолвие, где, кроме нее, существовал лишь Прохор, посматривающий на нее со сдержанным удивлением. Казалось, вокруг никого, не слышно было даже гроыхания танковой колонны, проезжавшей на предельной скорости по разбитому шоссе.

Из оцепенения Веру Колесникову вывел рассерженный гудок поцоканного осколками «Студебеккера», груженного ящиками с гранатами. Немолодой водитель с густой седоватой щетиной на сухих впалых щеках злобно выкрикнул:

— Чего тут встала на пути? Ведь задавят! Отойди с дороги!

Вера, опасаясь потерять из поля зрения Бурмистрова, отошла на обочину шоссе, по которому мимо нее колоннами в сторону фронта проходили маршевые батальоны. Новенькие, еще не знавшие солдатского пота гимнастерки резко контрастировали с обмундированием бойцов, шедших нестройными шеренгами на переформирование. Среди них было немало легкораненых — в основном в плечевой пояс, у кого-то было забинтовано предплечье, у некоторых кисти. Возможно, возвращение с фронта добавило им какие-то эмоции, вот только они совершенно никак не проявлялись на усталых лицах.

Прохор был оглушен неожиданной встречей не меньше Веры. Его губы дрогнули, он что-то произнес, но Вера не расслышала слов из-за проезжавшего мимо бронетранспортера.

— Я не поняла! — стараясь перекричать накатывающийся грохот, ответила Колесникова.

В какой-то момент они осознали, что находятся в самом водовороте дорожного потока: вот сейчас их сомнут, раздавят. Стоя друг напротив друга, они невольно образовали небольшой островок, и поток тяжелой техники деликатно огибал их плавной линией, как если бы опасался разрушить нечто хрупкое, установившееся между молодыми людьми.

— Давайте вот сюда, — махнула Вера в сторону деревушки, спускавшейся по косогору.

Прохор кивнул и, пересекая дорогу, устремился к ней. Некоторое время они стояли молча. Вроде бы и сказать нечего. Лишь только подмечали перемены, произошедшие во внешности за время их разлуки. На левом виске Прохора пробивалась небольшая седина, что, впрочем, совершенно не портило его внешности, наоборот, белесая прядь придавала его лицу еще большую мужественность. В какой-то момент Вере подумалось о том, что за прошедшее время она невероятно подурнела и вот сейчас Прохор с интересом отыскивает изъяны в ее внешности. Но Прохор, широко улыбнувшись и словно отвечая на все ее страхи, уверил:

— Вы совершенно не изменились.

Вера поймала себя на том, что не может оторвать взгляда от его лица. Прямо наваждение какое-то!

— Очень на это надеюсь, — негромко ответила военврач, пытаясь унять накотившее волнение, которое буквально выплескивалось через край.

— Как-то мы с вами неожиданно расстались. А наше свидание не состоялось. — Брови майора насмешливо поднялись. — Мне было очень жаль.

— Мне тоже, — честно призналась Вера. — А как ваш друг, старший лейтенант Воробьев? Вы нашли его?

— Живой... Комиссовали. Врачи говорят, что он чудом остался жив. Хочет пойти в школу учительствовать. Он ведь преподавателем истории до войны работал.

— Он очень мужественный человек.

— Всю жизнь был таким... А я о вас расспрашивал, мне сказали, что вы уехали. Мне тогда подумалось, что вы просто не захотели со мной встречаться.

— Это совсем не так. — Девушка виновато улыбнулась. — Мой отъезд и для меня был очень неожиданным. Нужно было сопровождать поезд с ранеными. И я очень жалела, что не смогла предупредить вас о своем отъезде.

— Значит, вы вспоминали меня? — Красивые чувственные губы парня растянулись в доброй улыбке.

Хотелось признаться, сказать так, как есть: что не забывала его ни на секунду с той самой встречи, как только увидела. Но вместо этого бесстыдно соврала с легкой лукавой улыбкой:

— Вспоминала... Иногда.

— А вам не кажется, что наша встреча произошла не случайно? Наши ангелы-хранители подсказывают нам, что мы должны быть вместе.

Именно так она и подумала, и было бы большой несправедливостью не воспользоваться шансом, предоставленным судьбой. Но вместо этого, чуть пожав плечом, отвечала:

— Я не смотрю так далеко, — и, разглядев в его темных глазах легкое разочарование, несколько поспешно добавила: — Но я рада вас видеть.

— Не принимайте меня за навязчивого человека, но мне бы хотелось с вами увидеться. Может быть, даже сегодня, что вы на это скажете? Где вы разместились?

— Недалеко от госпиталя. В деревенском доме.

— Вы по-прежнему служите в эвакуационном госпитале?

— Да. А вы где разместились?

— В бараке для офицеров, — махнул Бурмистров в сторону деревеньки, на окраине которой стоял длинный недавно срубленный барак с белесыми бревнами. — Мои соседи разъехались, так что я пока проживаю в комнате один. Дня через три двинется вперед и наша дивизия. — Так когда мы с вами увидимся? Может быть, часов в девять?

— Давайте лучше в десять, — ответила Вера. — Раньше я не освобожусь.

— Хорошо... Как мне вас найти?

— Моя изба вторая слева по главной улице. И еще вы обещали принести мне сигареты, — напомнила Вера с улыбкой.

— Я не забыл, — ответил Бурмистров. Расстегнув полевую сумку, он вытащил пачку немецких сигарет и протянул их Вере. — Берите, они ваши. Трофейные. Как меня заверили, это дамские сигареты. Мне почему-то верилось, что мы с вами еще повстречаемся, вот поэтому я и носил эту пачку сигарет для вас... С того самого дня, как мы с вами расстались, она лежала в сумке. Все думал, как только увижу эту милую девушку, так непременно передам ей. Хотя, конечно же, мне хотелось бы подарить вам розы.

Вера бережно взяла пачку сигарет.

— Я люблю георгины.

— Обещаю, что буду дарить вам георгины каждый день, — широко улыбнулся Бурмистров.

— Мне надо идти. Буду вас ждать, — произнесла военврач Колесникова. И быстро пошла в сторону двухэтажного здания с колоннами, к некогда бывшей господской усадьбе, где размещался полевой эвакуогоспиталь.

Глава 2

БУДЬ ЖЕНОЙ

Встретиться со старшим лейтенантом медицинской службы Колесниковой Бурмистрову не удалось. Нельзя сказать, что Прохор был так уж расстроен этим обстоятельством, но вот кое-какая шемящая досада присутствовала. Даже здесь, находясь на передовой, Бурмистров не был обделен женским вниманием. Порой такие встречи бывали совершенно случайными, всего-то на одну ночь в какой-нибудь деревушке, на коротком постое у одинокой

женщины, которая, изголодавшись без мужской ласки, так дарила себя случайному солдату, как если бы это была последняя ночь в ее жизни.

А еще в таких ненамеренных встречах присутствовало нечто большее, чем плотское желание, частенько преобладала жалость, столь свойственная русским женщинам. Солдатик воюет на фронте, бьет врага, возможно, возвратиться ему домой не суждено, и жаркие объятия женщины должны быть некоторой благодарностью за его ратный подвиг. Возможно, ночь, проведенная в объятиях одинокой женщины, будет последним воспоминанием у мертвого овра, прежде чем он смежит очи.

Однако Бурмистров никогда не забывал и свою юношескую любовь Полину, некогда ставшую для него настоящим наваждением. Прошлого уже не вернуть, и следовало жить настоящим, а сердце кровоточит и не желает успокаиваться! Казалось бы, забудь ее навсегда, заживи по-новому; теперь Полина чужая жена, вряд ли о тебе думает столь же часто, как ты о ней. Но безжалостная память порой подбрасывала ему картинки из прошлого, в которых Полина всегда находилась рядом с ним.

Война приучила к скорым расставаниям и мимолетным встречам, не оставлявшим в душе и следа, однако Вера не забывалась, и в часы недолгого отдыха он вспоминал шатенку с короткими волосами — старшего лейтенанта медицинской службы, — которая смотрела на него с таким интересом, какого он не наблюдал ни у одной женщины ранее. Молодая военврач зацепила, что было неожиданно для него самого.

Следующая встреча с Верой состоялась еще и потому, что он сам этого очень желал. Почему бы ее не отыскать? Ведь не на разных же фронтах воюют, а в одной армии. А потом, не так много эвакуогоспиталей. Если обойти каждый из них, то можно и отыскать девушку. В перерывах между боями, когда полк уходил на переформирование, Бурмистров тратил все свободное время на поиски едва знакомой Веры Колесниковой.

Госпиталь близ поселка Знахово, в который наведалься Прохор, разыскивая Веру, по счету был шестым. В предыдущих случаях, пряча глубоко смущение, он направлялся напрямиком к начальнику госпиталя и спрашивал: «Не служит ли у вас старший лейтенант медицинской службы Колесникова?» На него посматривали с интересом, порой иронично. Случай был из банальных — в госпитале постоянно кого-нибудь ищут, а уж если речь заходила о девушке, то каждый второй представлялся ее родственником. Но, уважая погоны старшего офицера и три боевых ордена на широкой груди, один из которых был орденом Александра Невского, отвечали с пониманием и советовали обратиться в другой госпиталь. В одном из госпиталей, где Вера проработала три недели, ее помнили очень хорошо и не то в шутку, не то всерьез, стараясь сделать ему приятное, ответили, что между ним и Верой имеется большое сходство.

Прохор Бурмистров начинал понимать, что может не встретиться с Верой никогда, — текучка в госпитале была почти как на передовой: менялись начальники и их замы, бывало, что эвакуогоспиталь расформировывали или направляли на другие участки фронта. А военврачей при крайней необходимости командировали в полевые госпитали, откуда они подчас не возвращались — получали ранение или погибали. Так что отыскать нужного человека задача была не из легких. Радовало лишь то, что находились люди, которые были с ней знакомы и отзывались о ней тепло, говорили с некоторой лукавинкой:

— Повезло же вам с сестрой.

Вера увидела Прохора в тот самый момент, когда он направлялся к начальнику госпиталя. Остановив проходящих мимо бойцов, Бурмистров пытался выяснить у них, где размещаются больничные корпуса, втайне надеясь, что желанная встреча состоится, и буквально был ошарашен, когда рядом услышал ее голос. Потребовалось немало усилий, чтобы скрыть свое ликование: обрадован, но не более того; встреча произошла случайно, так на фронте иногда

случается. Возможно, что, когда они будут вместе, он расскажет любимой, каких трудов стоила ему такая «случайность».

И сейчас, немного волнуясь, Прохор Бурмистров подходил к избе, в которой находилась девушка. Надо же такому случиться — уж далеко не мальчишка, повидал немало, в глаза смерти смотрел не единожды, а тут у девичьей двери сердце заколотилось чаще.

Постучался в дощатую дверь. Дождаться пришлось недолго. В глубине помещения раздались быстрые шаги, а еще через секунду шваркнула щеколда, и в проеме двери Прохор увидел Веру с сияющим лицом.

— Проходите, — слегка отступила девушка в сторону. — Я только что пришла с дежурства.

Прохор вошел в комнату. Тонко скрипнувшие половицы с головой выдавали его робость. Потолок низкий, хата небольшая. В стесненном пространстве он в полной мере ощутил неуклюжесть своего большого и сильного тела. Обратил внимание, что Вера переделалась — не иначе как к его приходу. У здания госпиталя она была одета по форме: в женскую слегка мешковатую гимнастерку и в юбку, на ногах темно-коричневые ботинки с облупленными носами. Сейчас на ней было однотонное простенькое синее платье из хлопка. Гибкую талию стягивал новенький узенький ремешок. Прохор невольно задержал взгляд на ее ладной фигуре, что не укрылось от Веры, сдержанно улыбнувшейся. Внимание гостя ей было приятно.

В легком платье Вера выглядела особенно женственно. Нельзя сказать, что она была красива, самая обыкновенная, как и большинство женщин. Не холодная королева с надменным взглядом, спешащая где-то по противоположной стороне улицы, а девчонка со двора, своя и очень понятная, с которой можно с удовольствием пообщаться и знать, что всегда отыщешь в ее лице участие и понимание. Именно такие девушки бывают хорошими женами, а полюбив однажды, будут хранить верность всю жизнь.

Слегка приподняв холщовую сумку, что Прохор продолжал держать в руке, он несколько смущенно произнес:

— Тут бутылка вина. Досталась по случаю. Как знал, что вас встречу. Тушенка, шматок сала, хлеб, сгущенка. Все как полагается.

— А шоколад не позабыли? — спросила Вера, весело улыбнувшись. — Все девушки любят сладкое.

— Как же можно, — охотно откликнулся Прохор, расстегивая полевую сумку. — Вот и шоколад, — протянул он две плитки шоколада.

— Даже две... Меня так никто еще не баловал.

Бурмистров поймал себя на том, что ему было чрезвычайно легко с Верой. Улетучилось напряжение, какое возникает поначалу с малознакомыми людьми. Не было опасения сказать что-то не так, показаться смешным или неуклюжим. Все происходило просто и естественно, как случается с людьми, которые знают друг друга не один год.

Прошли в комнату. В центре помещения стоял круглый стол, на котором в небольшой плетеной вазочке лежал хлеб, а на дощечке — тонко нарезанные куски мяса. Вера его ждала, что было особенно приятно.

Разместились за столом. Девушка смотрела на него не отрываясь, так разглядывать могут только любящие женщины.

И опять Бурмистрову припомнилась Полина, ее быстрая походка когда-то просто сводила его с ума. Прохор едва не застонал от открывшейся душевной раны. Что же с ним такое происходит? Почему все не так? Почему он все время думает о женщине, с которой никогда не будет вместе? Что же у него за судьба такая? Так накрыло воспоминаниями, что и не выкарабкаться.

Но Вера была привлекательной, этого у нее не отнять. Ее робкая улыбка способна покорить даже самого стойкого мужчину. Взять бы ее в свои объятия, мять, тискать, наслаждаться ее теплом — так ему королеву подавай!

— Что это я вдруг тут расселась, — встревожилась Вера. — Вы ведь, наверное, голодны.

— Я тут немного перекусил...

— Может, перейдем на «ты»?

— Конечно, — охотно поддержал предложение девушки Прохор.

— Давай я сейчас разложу еду по тарелкам. Рис отварила... Знаешь, никогда особенно его не любила, а тут моя медсестра принесла пару горсточек и сказала, что он очень вкусный. Трофейный. Сварила его, и вправду рис получился очень лакомый. Я к нему еще морковь и лучок поджарила, — застучала она на плите сковородкой и ложкой, накладывая рассыпчатые рисовые зерна в алюминиевые плоские тарелки.

Поднявшись, Бурмистров подошел к Вере, торопливо постукивающей ложкой. Обхватил ее худенькие плечи. Сжимать ее в объятиях было приятно. Ощущал податливое женское тело; чувствовал, как ее тепло проникает в него и понемногу расходится по всему телу, повышая желания. Если так пойдет дальше, то он может просто воспалиться от девичьего жара. Девушка застыла. Теперь тарелка и ложка в ее руках были неуместными. Не смея пошевелиться, Вера осторожно посмотрела на Прохора, не спешившего разжимать объятия. Стояли не шевелясь, наслаждаясь близостью.

— Может, ничего не нужно? — слегка подсевшим голосом произнес Бурмистров. — Я не голоден.

— Хорошо, — ответила девушка и аккуратно, стараясь не расцепить нежные объятия, поставила сковородку с рисом на плиту. К ней столь же бережно придвинула алюминиевую тарелку, слегка звякнувшую.

Объятия в какой-то момент разомкнулись, но лишь для того, чтобы в следующее мгновение скользнуть по ее платью — нежно и одновременно уверенно, как может поступать только любящий мужчина. Пальцы остановились у талии, словно спрашивая дальнейшего дозволения, и,

не почувствовав протеста, принялись неторопливо расстегивать узенький ремень.

Вера боялась пошевелиться, всецело, до самой последней клетки возбужденного разгоряченного тела, находилась во власти сильного мужчины, очень желанного. На сегодняшний день она его наложница, его раба, и он волен поступать с ней так, как ему заблагорассудится.

Расстегнутый и аккуратно свернутый ремень Прохор положил на стол рядом с нарезанным мясом, которого так и не отведал. Сейчас было не до того. Свет горевшей керосиновой лампы глубокими тенями падал на ее лицо, обнаженные плечи, грудь. Слегка отстранившись, Прохор заглянул в девичьи слегка затуманившиеся глаза. Вера представлялась ему загадочной и немного старше, чем была в действительности. Взгляд внимательный, немного строгий, такой бывает у учительницы старших классов.

«Самое время, чтобы избавиться от наваждения под названием Полина. Похоронить ее образ в закоулках памяти, безо всякой надежды на возвращение. Давно пора освободиться от навязчивых воспоминаний о прежней любви, продолжавшей тянуть его в прошлое и не дававшей возможности вздохнуть полной грудью и двигаться дальше. Остаться навсегда рядом с той девушкой, которая тебя любит по-настоящему. Чего тебе еще нужно? Ты же, как никто другой, знаешь, как больно оставаться нелюбимым».

Глаза Веры светились счастьем, так может смотреть лишь любящая женщина, способная ради обожаемого мужчины шагнуть в глубокий омут, пожертвовать собой. Ничего не станет требовать взамен, главное, чтобы любимый оставался рядом.

Некоторое время они смотрели в глаза друг другу, а потом Вера, словно опасаясь спугнуть свое неожиданное счастье, крепко обхватила Бурмистрова и, прижавшись к его груди, негромко произнесла:

— Любимый, как же я тебя давно ждала. Я вся твоя. Делай со мной что хочешь.

Ладони Прохора заскользили по узкой девичьей спине, а потом медленно, как бы наслаждаясь каждым прожитым мгновением, стали приподнимать платье, оголяя красивые ноги, обутые в тяжелые ботинки.

— Не торопись, мой родной... Я сама.

Вера аккуратно принялась расстегивать пуговицы у самого воротника, все более обнажая мраморную крепкую грудь.

— Ты чего так смотришь? — смутилась военврач под пристальным взглядом мужчины. — Что-нибудь не так? Нам просто выдали такие лифчики, мне пришлось немного их ушивать, иначе неудобно. Спасибо и на этом, а ведь в начале войны даже женской одежды не было. В мужских трусах ходили.

Прохор улыбнулся:

— Я не о том... Просто смотрю, какая ты прекрасная, и не могу на тебя наглядеться.

— Мне никто не говорил таких красивых слов, — смутилась Вера. Расстегнутое платье обнажило желанное девичье тело.

— Это только начало, — серьезно пообещал Бурмистров, — самое интересное у нас впереди.

Подхватив девушку на руки, Прохор пересек комнату и бережно положил ее на панцирную кровать, аккуратно принявшую легкую ношу.

— Нужно задержать занавески, — подсказала Вера. — С улицы нас могут заметить. У меня ведь ни с кем ничего подобного не было...

— Нам некого бояться, теперь мы с тобой всегда будем вместе, — пообещал Прохор. — Но все-таки задерну. Боюсь, что такую красавицу, как ты, у меня может кто-то украсть.

— Прохор, я у тебя все спросить хотела, да как-то не решалась... А куда ты должен был пойти на следующий день, когда мне назначал свидание на послезавтра?

— Ревнуешь? — с улыбкой спросил Бурмистров.

— Только самую малость.

— В разведку должен был пойти. Не знал, вернусь ли... А огорчать тебя не хотел. Если бы не пришел, тогда бы ты решила, что я раздумал, и больше бы обо мне не думала. А может быть, забыла бы совсем.

— Тебя трудно забыть.

Проход подошел к окну. Через распахнутую форточку в комнату пробивалась свежесть вместе с запахами цветов, разросшихся в округе. Забравшись на самый верх небосвода, огромная луна освещала бледно-мертвым сиянием окрестность. Дорога пустынная, не слышать проходящего транспорта, только где-то вдалеке, совершая какие-то маневры, грохотала бронированная техника.

Задернув занавески, Бурмистров вернулся к кровати, на которой поверх тонкого байкового одеяла лежала обнаженная девушка, совершенно не стесняясь белоснежной притягательной наготы. Аккуратно сложенное платье лежало на старой табуретке. Протянув к Прохору руки, Вера произнесла:

— Иди ко мне, мой желанный. Только не торопись, я хочу, чтобы эта ночь продолжалась бесконечно.

— Мне этого тоже хочется так же, как и тебе... Мне некуда торопиться, милая.

Обнаженные, наэлектризованные близостью, устроились рядышком, как оголенные провода, способные выстрелить искрой...

— Кажется, наконец я нашел свой дом, — признался Бурмистров.

— Ты, наверное, так говорил всем женщинам, которые тебе нравились.

— Я такое сказал впервые. — Дотянувшись до гимнастерки, Проход вытащил из кармана небольшой кусочек алюминиевой проволоки и попросил: — Дай мне свою ладонь.

Вера протянула руку. Обернув кусок проволоки вокруг ее пальца, Проход сказал:

- Это кольцо.
- Более прекрасного кольца мне не доводилось видеть за всю свою жизнь, — сказала Вера, разглядывая на пальце кусок алюминия.
- Теперь мы с тобой помолвлены.
- Как-то все очень быстро. Ты подумал?
- На войне все делается очень быстро. Но дело даже не в этом... Я очень долго тебя искал. Когда война закончится... мы с тобой распишемся. Ты согласна быть моей женой?
- Мне хочется кричать от счастья, но почему-то на глаза наворачиваются слезы. Как хотелось бы засыпать в твоих объятиях, жалко, что это невозможно.
- Когда-нибудь это так и будет. Обещаю тебе.

Глава 3

ЗАВТРА АТАКА

На очереди был форт «Радзивилл». Стоявший неподалеку, но спрятавшийся в ночь, он выглядел почти недосыгаемым. Следовало пройти через несколько улиц, где каждый дом представлял собой отдельно взятую и хорошо оборудованную крепость. Завтрашнее утро для бойцов инженерно-саперного батальона начнется со штурма...

Некоторое затишье, наступившее в Познани, не могло не радовать. Но бои в отдельных частях города не прекращались ни на минуту, отдыхать немцам не давали. Сейчас затяжной бой с применением минометов завязался глубоко в немецком тылу, где-то на окраине местечка Ротай. Окруженный, уже разделенный штурмующими соединениями на многие части, город продолжал упорно сопротивляться. Следовало отдать должное упрямству немцев: сдаваться они не собирались, и походило на то, что они рассчитывали драться до последнего солдата.

В городе возникло множество раздробленных очагов сопротивления. Окруженные части пытались пробиться к основным силам или вырваться из города. Немногим из окруженцев все-таки удавалось пробиться через плотное кольцо осаждающих, но они быстро уничтожались артиллерией и добивались пехотой. Однако накал сопротивления не ослабевал, наоборот, во многих местах он только усиливался. Причина была проста: немцы, зная город, скрытно передвигались переулками и парками на подмогу к сражающимся. Дома, стоявшие впритык друг к другу, имели пути сообщения, что также позволяло незаметно передвигаться от одного участка города к другому. Огромное количество коммуникаций, проложенных под городом, давало немцам возможность целыми подразделениями и совершенно внезапно появляться в тылу и в труднодоступных местах. Их штурмовики вступали в скоротечный бой с пехотой, наносили ощутимые удары тыловым подразделениям и так же неожиданно скрывались.

Теперь, захватив значительную часть коммуникаций, следовало использовать подземные тоннели уже против немцев.

В какой-то момент Бурмистрову показалось, что стрельба утихает, однако через минуту обстрел неожиданно усилился, но в этот раз в перестрелку вмешалась полковая артиллерия — в упор и под прикрытием дымов она расстреливала укрепленные гнезда.

Засыпалось скверно, все думалось невесть о чем: о фрицах, о семье, о любимой женщине. Казалось бы, нужно думать о том, как выполнить поставленную задачу с меньшими потерями и при этом уцелеть самому, а на ум приходили лишь воспоминания о женских нежностях, и это так бередило душу, что невольно сводило от болезненной тоски скулы.

Своими думами о доме майор Бурмистров никогда ни с кем не делился. Скверная примета! Он и сам терпеть не мог, когда бойцы заводили разговоры об отчем доме, о се-

мье, что означало лишь одно — человеку в затылок задышала костлявая, и каждый, кто слушал такие рассуждения, мог оказаться в ее орбите, а потому они старались поскорее покинуть собеседника.

Как тут не поверить в приметы, когда каждая минута может оказаться последней. Чтобы перехитрить курносую, у каждого бойца имелась своя верная примета: кто-то, пренебрегая новой гимнастеркой, носил старую, занашивая ее до дыр, считая, что она сумеет уберечь его от гибели; кто-то мастерил оберег из осколка снаряда, не убившего его, но серьезно ранившего. Был такой талисман и у Бурмистрова — в кармане гимнастерки он всегда носил патрон из первой обоймы, выданной на фронте. Через сколько боев прошел, сколько всего было пережито, а патрон по-прежнему лежал в верхнем кармашке гимнастерки, сбегая от беды своего хозяина.

Но одну традицию все бойцы соблюдали свято: никогда не брились перед боем. За время боестолкновений лицо порой покрывалось густой щетиной, однако командиры, понимая важность приметы, не слишком журили за внешний вид, особенно когда утро должно было начаться с наступления.

В Познани, как уже было заведено, всякий следующий день начинался с пятнадцатиминутной артподготовки, после которой шли вперед штурмовые отряды.

Батальон расположился в бывшем цеху швейной фабрики. Прохор вытянулся на дощечках, заботливо разложенных ординарцем, но уснуть не мог, хоть ты тресни. Он лежал, глядя в растерзанный, весь в трещинах потолок второго этажа, который каким-то неведомым образом продолжал держаться и не желал рассыпаться, а в голову лезла всякая бестолковщина, в которой трудно было бы признаваться в кругу боевых товарищей.

На фронте вообще следовало бы думать поменьше. Ни к чему хорошему долгие размышления не приводят, непременно вспоминаются эпизоды из мирной жизни, где было

беззаботно и сладко, а такие мысли расслабляют. Так ведь и пулю в лоб можно схлопотать по рассеянности.

Поднявшись, майор Бурмистров зашагал по разбитому коридору в противоположный конец здания, где со своей группой разместился Михаил Велесов.

— Товарищ майор, вы куда? — поспешил за Бурмистровым ординарец. Петр, конечно, хлопец неплохой, надежный, но порой бывает чересчур назойливым.

— Послушай, Колисниченко, скоро я у тебя разрешение буду спрашивать, прежде чем куда-то отправиться. — И, заметив, как ординарец обиженно поджал губы, Прохор примирительно добавил: — По делу мне нужно к капитану Велесову. А ты давай поспи, пока есть такая возможность. До утра совсем недолго осталось. Штурмовать крепость будем!

Петр Колисниченко хотел что-то произнести, но, натолкнувшись на строгий взгляд майора, поплелся в свой угол.

Михаил Велесов не спал, при свете огарка свечи писал письмо. С первого взгляда было понятно, что письмо предназначено для Полины: его хмурое лицо разгладилось, а из потемневших усталых глаз пробивался блеск. Выглядел помолодевшим, как если бы сбросил с плеч пять гнетущих лет.

Увидев подошедшего Бурмистрова, он сложил исписанные листы бумаги и аккуратно спрятал их между двумя тетрадами с потертыми обложками. В них кроме письма Полине были стихи, которые он последние пятнадцать лет записывал в тетрадь, надеясь когда-нибудь опубликовать. Юношеское баловство, через которое прошел едва ли не каждый второй мальчишка, переросло в серьезное дело, которому, как он однажды признался, хотел бы посвятить жизнь.

Михаил стеснялся своего увлечения. Невероятно сконфузился, когда Бурмистров расспрашивал у него про стихи. Не самое подходящее дело для боевого офицера марать страницы четверостишиями, когда вокруг грязь и кровь.

Спрятав смущение за деловой озабоченностью, Михаил застегнул полевую сумку и внимательно посмотрел на подошедшего Прохора. Присев рядом на кирпичи, кем-то заботливо сложенные, Бурмистров, не сказав ни слова, достал табачок и привычно-проворно свернул длинную сигарку. Михаил тоже молчал. Каждый думал о своем. И в то же время они находились рядом, чувствовать плечо друга, несмотря на всю сложность в их взаимоотношениях, было приятно. Их многое связывало, включая огромный пласт гражданской жизни. Долгое молчание не тяготило.

Неожиданно в городе установилась тишина. Боевые действия сошли на нет. Хлопали лишь отдельные разрывы. Им отвечали столь же вяло, а потом наступила абсолютная продолжительная тишина. Подольше бы так. Вот только фрицев без пальбы не потеснить, а значит, утром начнется стрельба, от которой будут лопаться барабанные перепонки.

— Ты чего не спишь? — докурив сигарку, наконец спросил Велесова Бурмистров.

— Не спится.

— Мне тоже. Нам завтра брать квартал.

— Знаю.

— У меня идея, как нам лучше это сделать.

— Поделись.

— Нам нужно дойти до форта «Радзивилл»...

— Но ни одна улица не идет к нему по прямой, все полукругом. Как тогда? Не через дома ведь? — возразил Велесов.

Бурмистров улыбнулся:

— Как раз через дома и через стены. Ты послушай... Я уже договорился с командованием на эту тему. Мой план одобрили. Отряды усилим до шестидесяти человек. Увеличим дополнительный штат химиков, пойдем под прикрытием дымовых завес. Пойдем двумя группами. В каждой будет самоходка или танк, а еще полковые пушки. В городских боях весьма полезное орудие. Ты атакуешь вдоль ули-

цы, а я пробиваюсь через дворы и здания по прямой к форту. Взрываем стены и через них двигаемся вперед. Идем все время параллельно и поддерживаем друг друга огнем. В обеих группах будут огнеметчики. Я со своей группой проверяю дома. Самоходки пробивают стены в доме...

— А сумеют?

— Вот что я тебе скажу, — негромко произнес майор Бурмистров, в упор посмотрев на Велесова. — Самоходки и танки в городе — это страшная сила, если они идут под прикрытием пехоты. Чтобы фаустникам их подбить, нужно сначала выглянуть из окна, прицелиться и постараться попасть по движущейся цели. А пехота дожидаться не станет, пока кто-то прицеливаться будет, она палит сразу из всего стрелкового оружия, что у нее есть. Значительная часть фаустников отстреляется, не причинив «коробочкам» вреда, а те гранаты, что достигают брони, не всегда уничтожают экипаж. Да и с прицелом у фаустников не очень... Они ведь тоже понимают, что по ним стреляют, кто же даст им свободно залечь?

— Согласен, — охотно поддержал друга Михаил Велесов.

— Группа захвата заходит в здание и уничтожает всех, кто там есть, — продолжал Бурмистров. — А ты параллельно со мной идешь по улице со своей группой. Бьешь из танков и пушек по чердакам и окнам, где будут выявлены огневые точки. Уничтожаешь их и двигаешься дальше.

— Мы тут на один склад натолкнулись, а там фаустпатроны штабелями упакованы. Вещь серьезная, уже испытали — толщину стен сантиметров на восемьдесят пробивают, для города они в самый раз будут, — заверил Велесов, воодушевляясь идеей товарища.

— Все так. Вижу, что понял. Фаустпатронами тоже запасись, пригодятся. Стены хорошо пробивают... Ладно, пойду к себе, — сказал Бурмистров, поднимаясь. — Я видел, ты письмо писал... Передай от меня привет Полине.

— Она будет рада.

Глава 4

Артиллерийская прислуга

Утро началось с артиллерийского обстрела крепостей. В этот раз залпы были более впечатляющими и значительно громогласнее, чем раньше, — на выручку подоспела тяжелая артиллерия, доставленная накануне в Познань прямо с платформ на позиции. Особенно досталось «Цитадели», и под ее башнями и стенами повисла завесь из плотного черного дыма и песка.

Вскоре отдельные залпы переросли в один протяжный нарастающий свистящий гул, к которому примешался выворачивающий нутро вой летящих снарядов, — то били реактивные снаряды «катюш».

Час назад командир инженерно-саперного батальона майор Бурмистров собрал командиров рот, взводов и обстоятельно разъяснил предстоящие задачи:

— Разведгруппе удалось засечь в полосе наступления и в глубине обороны немцев двадцать шесть огневых точек, не выявленных раньше. Мы их нанесли на оперативные карты и передали артиллеристам. Они обещали нам существенно помочь. Будут бить из тяжелых орудий. После завершения артналета нам нужно пройти через все улицы и вплотную подойти к форту «Радзивилл». Как лучше это сделать? Саперы подползают к самым стенам форта, взрывают их, а штурмующие группы продвигаются через проемы дальше. Огня по атакующим следует ждать откуда угодно: из амбразур в подвалах, из люков на дороге, из окон домов, но наша главная задача — идти вперед и нигде не останавливаться. Взрывать все, что мешает продвижению. В этом нам помогут приданные нам танки. Огнеметчики выжигают на своем пути все живое: каждый угол, каждый подвал, каждую щель.

За прошедшие десять дней бойцы успели немало поднатореть в тактике городского боя, используя гранаты как главный аргумент в противостоянии врагу. Городские бои не идут ни в какое сравнение со сражениями на откры-

той местности, где видна граница соприкосновения между враждующими сторонами. В городе такого рубежа не существует, а потому жди пулю из-за любого угла, часто в спину.

Большая часть командиров, пришедших с Прохором к Познани, убыла — кто из-за ранения, а кто остался лежать в одной из братских могил. Их места заняли другие, в своем большинстве успевшие побывать в серьезных сражениях, а те немногие, что призывались с тыла, учились быстро — через несколько дней интенсивного боя они становились настоящими солдатами. Война для них — бывших трактористов, студентов, разнорабочих — стала привычным делом, и разбирались они в нем совсем неплохо, если гнали немцев от Москвы через всю Россию к Берлину.

— Как выйдем к «Радзивиллу», занять позиции как можно ближе к форту. А дальше лупить по стенам прямой наводкой. Стены крепкие, иначе не пробить. И еще... старайтесь захватывать сразу верхние этажи. Это нужно для того, чтобы не дать немцам возможности сбежать через крыши. А еще по пожарным лестницам да по чердакам к ним может подойти подкрепление. Параллельно с нами по улице будет идти штурмующая группа капитана Велесова, при необходимости она поддержит нас танковым и оружейным огнем. Вопросы есть? — внимательно посмотрел старший офицер на собравшихся командиров.

При свете коптящей керосиновой лампы лица присутствующих выглядели особенно сосредоточенными, важность предстоящего боя понимал каждый.

— Если все ясно, тогда давайте разойдемся по позициям. Донести сказанное мною до всего личного состава.

* * *

Еще через полчаса штурмовые группы, усиленные батареями 76-миллиметровых дивизионных пушек, огнеметными расчетами, средними танками «Т-34», подошли вплотную к линии разграничения, понимая, что сейчас

немцам не до них: едва ли не весь личный состав форта пережил артобстрел, попрытавшись в подземные укрытия.

Времени до прекращения артобстрела оставалось немного — ровно столько, чтобы выкурить папиросу, а потому смолили нещадно, поглядывая из-за укрытий на разрывающиеся снаряды. Впереди был мрак, под ногами вздрагивала земля, через пыль, поднявшуюся к небосводу, были видны здания, разлетающиеся на куски; клубы черного тяжелого дыма, стелившегося над городом; всполохи огня, бревна, балки, плиты, разлетающиеся по сторонам. Все то, что какое-то мгновение назад называлось жилищем.

Артиллерийский огонь прекратился столь же неожиданно, как и начался. Возникшая тишина показалась оглушительной, невероятно тяжелой, давила на плечи могильной плитой, грозила расплатать. Что-то в ней было противоестественное, чужое. На войне такие перепады грохота и тишины происходят редко. Отвыкаешь даже от обычной тишины, воспринимаешь ее как нечто чужеродное. И когда в воздух с шипением взлетели красные ракеты — сигнал к атаке, каждый из бойцов почувствовал нечто похожее на облегчение.

— Вперед! — махнул рукой майор Бурмистров.

Танковый экипаж, стоявший неподалеку, отреагировал мгновенно: с бронированной поверхности танкисты дружно сорвали маскировочную сеть и расторопно, очень ловко юркнули через люки в башню. Напоминая о себе, танкисты шарахнули в верхний этаж углового зданиякумулятивный снаряд, и, крутанувшись, увлекая за собой атакующих, «Т-34» двинулся к соседней улочке, с которой предстояло начинать штурм.

Артиллеристы сбросили брезент с пушки и принялись толкать ее через колдобины вперед, как если бы рассчитывали догнать удаляющийся танк.

Следовало пробиться к противнику в тыл, взять его в клещи, обезоружить внезапно, обескуражить наглос-

тью. Прямого пути в тыл не существует, а потому нужно пробиваться через дворы, проламывать стены домов и через проемы двигаться к следующей цели.

Пригнувшись, Бурмистров устремился за танком, за ним, поглядывая по сторонам, бежали штурмовики. Впереди ударила автоматная очередь и, встретив на своем пути лобовую плиту танка, ушла вверх. Под прикрытием брони, прижавшись к левой стороне дороги, штурмующие чувствовали себя уверенно. В верхних этажах здания на правой стороне улицы Бурмистров заметил фигуру, стоявшую у окна, и, не целясь, зная, что ствол направлен верно, произвел короткую очередь. Фигура пропала, но в соседнем окне появилась громоздкая и нелепая труба фаустпатрона, нацеливающаяся прямо на танк, выискивающий впереди пулеметные гнезда.

Несколько автоматных очередей размолотили оконную раму, колючей кирпичной крошкой обсыпали стрелка с фаустпатроном. Фаустник завалился в глубину комнаты, а сбившийся прицел направил снаряд высоко вверх. Пробив черепичную крышу соседнего здания, снаряд взрывной волной раскидал в переулки черепичные осколки и выставил наружу единственное уцелевшее оконное стекло.

Далее по улице тянулись огромные завалы из обломков стены, отвалов кирпичей. Сюда же свезли тяжелую разбитую технику, оцитинившуюся во все стороны покореженными углами. Хорошо бы, чтобы баррикаду взорвали саперы, оставив от нее лишь щебень, но немцы устроили такой плотный огонь, что не подойти даже на двадцать метров.

Обстрел штурмовой группы заметно усилился — к немцам подошло подкрепление, и теперь они долбили наступающих из тяжелых пулеметов, не давая продвинуться даже на пару метров. Раскаленный свинец, выбивая задорную чечетку по брусчатке, раскидывал во все стороны колючие гранитные осколки, резавшие лицо, болезненно бившие по рукам.

Спрятавшись за разбитый лафет гаубицы, майор Бурмистров развернул карту. Нужно было зайти немцам в тыл,

а они находились на узенькой улочке, где танкам не развернуться и не пройти.

— Где батарея? — спросил Прохор у заместителя, присевшего рядом.

— В соседнем дворе, — утер он ладонью со лба кирпичную пыль.

Впереди через брешь разбитого здания виднелся форт «Радзивилл» — низкое бетонированное строение в три этажа со множеством оконцев, окутанных черным дымом, через которые пробивались вспышки выстрелов. Майор Бурмистров развернул карту и пометил карандашом отбитые у немцев здания.

— Как лупят! — посетовал Бурмистров. — Подбитую самоходку перед воротами форта видишь? — спросил он заместителя.

— Так...

— Нам нужно выйти к ней.

— И каким же образом? Тут все улицы вкруговую идут, и нет ни одной из них, чтобы была прямая. Через стены, что ли?

Сложив бережно карту вчетверо, майор Бурмистров широко улыбнулся:

— Правильно говоришь. Через стены и потопаем.

Стараясь не угодить под летящие роем пули, осторожно отползли назад, свернули за угол, где, ревя мотором, стоял танк.

— Так что скажешь, майор? — выглянул из командирского люка старший лейтенант с закопченным пороховой гарью лицом, отчего он казался старше, чем был в действительности. — Куда нам дальше?

— Потерпите, будет для вас работа, — успокоил Бурмистров танкиста, перекрикивая рев мотора.

Все проходы к немцам в тыл заблокированы: где-то сооружены баррикады из каменного лома, где-то завалены разбитой тяжелой техникой, а в некоторых местах из-за завалов переулки вообще превращались в настоящие кре-

пости, которые придется брать затяжным боем и с большими потерями, что никак не входило в планы советских солдат.

Артиллеристы в сопровождении группы автоматчиков, впрягаясь в бронированное неподъемное железо, терпеливо продолжали тянуть пушки, чтобы выйти на позиции. В какой-то момент, попав под интенсивный стрелковый огонь, попрятались за железо и вместе с автоматчиками ответили встречным огнем.

Штурмовики старательно расчищали дорогу артиллерийской прислуге, толкавшей пушку: обстреливали каждый подступ к намеченной позиции, действовали нагло, грамотно, дерзко перебегали от одного укрытия к другому, навязывали ближний бой.

— Тормози! — через грохот боя донесся голос командира орудия, девятнадцатилетнего безусого сержанта.

Командир отделения штурмовиков подал сигнал, и автоматчики, образовав полукруг, стали контролировать подходы к орудию.

Артиллеристы, прячась за броню дивизионной пушки, развернули орудие.

— Заряжай! Осколочно-фугасный! — выкрикнул сержант. Ствол повернулся, выискивая в черном непроглядном дыму цель. В следующую секунду коротко прозвучала команда: — Огонь!!

Снаряд выбил над крышей кусок стены, осыпав осколками половину этажа.

— Заряжай... Огонь! — командовал сержант.

Стараясь не угодить под встречный огонь, орудие силами расчета быстро откатали под стену дома. Выбрав очередную цель, сержант привычно скомандовал:

— Огонь!!

Автоматчики завершили начатое: проворно заскочили в подъезд разрушенного дома и, не жалея наступательных гранат, закидали тех немногих, кто вел из глубины помещения беспорядочную стрельбу.

На соседней улице то и дело раздавались разрывы, группа Велесова медленно, но неумолимо двигалась в сторону форта «Радзивилл». Автоматные очереди не прекращались — шел ближний бой, он то усиливался, перетекая в остервенелый, а то вдруг, следуя каким-то непредсказуемым правилам войны, начинал ослабевать. Было слышно, что немцы контратакуют, и тогда трескучие очереди немецких десантных автоматов раздавались едва ли не в глубине позиции капитана Велесова. Неожиданно стрельба прекратилась и, заполняя паузу, вдруг зазвучали орудейные раскаты советских полковых пушек.

Все перемешалось. Трудно было понять, в каком месте наступают свои и на каких участках обороняются фрицы.

В соседнем здании звучал интенсивный автоматный огонь — добивались последние очаги немецкого сопротивления.

Неожиданно из подвалов бахнул выстрел из фаустпатрона, снаряд, взорвавшись в противоположном здании, похоронил под обломками обрушившейся стены двух бойцов. Расплата пришла незамедлительно. Огнеметчик с плоским металлическим баком на спине, в сопровождении двух автоматчиков, сунул в жерло амбразуры пистолет и нажал на курок.

— Получай, гад! — стиснул он челюсти.

Огненная струя под силой избыточного давления выстрелила в проем, и отблески возникшего внутри пожара пробилась через многие трещины едва державшейся стены. Некоторое время из глубины подвала раздавался отчаянный предсмертный вопль, но вскоре он затих. В нос ударил приторный запах смеси бензина, загустителя и горелого мяса.

Густой черный дым окутывал в непроницаемые покрывала строения, фигуры мелькающих людей, тяжело двигавшуюся технику; толстым покровом стелился по земле и не желал подниматься. Лишь при разрывах снаряда в дыму

образовывались заметные бреши, которые вскоре затягивались, как если бы их не было вовсе.

— Товарищ майор, — подскочил к Бурмистрову командир первой роты старший лейтенант Селезнев. — Дом взят. Действовать согласно утвержденному плану?

— Отставить! — проговорил майор Бурмистров.

Подвал все разгорался. Из окон и амбразур, еще недавно служивших пулеметным гнездом, валил черный едкий дым — горела сложенная в штабеля резина. Хлопья тяжелой гари, подхваченные легким ветерком, липли к стенам зданий, делая их еще чернее, на бушлаты бойцов, на их лица; забивали глотку и затрудняли дыхание.

Старший лейтенант удивленно смотрел на майора Бурмистрова: «Все согласовано, утверждено, что еще нужно? Немец находится рядом, осталось только дубасить его из всех орудий, не давая передохнуть, и вбить его в землю так, чтобы он больше не поднялся!»

— Зайдем немцам в тыл, — пояснил Прохор. — Туда, где они нас не ждут. Все подходы и дороги к крепости заблокированы. Будем пробиваться через стены.

— Понял, товарищ майор, — широко заулыбался старший лейтенант.

— Мы пробиваем стену, а ты со своими автоматчиками бьешь немцев в крошку и едешь дальше! Блокируешь все подступы к стенам, чтобы дать возможность сработать артиллерии и саперам. Уяснил?

— Так точно, товарищ майор, — охотно откликнулся командир роты.

— А теперь ваше слово, артиллеристы, — повернулся он к командиру расчета, внимательно вслушавшегося в разговор. — Бьешь в то здание на уровне первого этажа, — показал он на дом, стоявший на противоположной стороне. — Делаешь в нем такую дыру, чтобы танк проскочил с ходу! А если не сумеешь, так саперы тебе помогут. Главное — начать!

— Разрешите исполнять?

— Приступай! — скомандовал майор.

Первый выстрел, как и полагается, артиллеристы произвели дымовым зарядом, тотчас наполнив едким удушливым дымом окружающее пространство, спрятав от возможных наблюдателей артиллерийские позиции и штурмовиков, подтянувшихся поближе к зданию для последующей атаки. А дальше, разбивая толстые стены средневековых зданий, заколотили осколочно-фугасные снаряды. Пробив стену, осколки разлетались в помещении, уничтожая сопротивлявшихся гитлеровцев. Штурм с тыльной стороны здания, где размещались жилые помещения, был для них неожиданным. Стараясь спастись, бежали из атакуемого здания через дыры в стенах и попадали под автоматные очереди.

Опытный расчет работал слаженно, выпустив три прицельных снаряда — ровно столько, чтобы не провести значительные разрушения, не завалить обломками пехоту и дать возможность танку пробраться через завалы. Далее включилась минометная артиллерия, накрывая осколками тех, кто выбежал из здания.

Не дожидаясь, когда развеется дымовая завеса, прямо в широкий проем, сокрушая битый кирпич в крошку, грозно урча, въехал средний танк. Следом за ним, под прикрытием брони, в бушлатах, одетых поверх металлических пластин, ринулась штурмовая группа, уничтожая немногих фрицев, оказывающих сопротивление.

Артиллеристы, ухватившись за станины орудия, стали перекатывать его через небольшие каменные нагромождения.

— Товарищ майор, вас вызывают, — сказал радист, неотступно следовавший за Бурмистровым.

Танк уже прошел сквозь здания, въехал в сквер. Всюду полыхал огонь, едким дымом наполнялось пространство. Неожиданно, стараясь отсечь пехоту, следовавшую за танком, заколотила в бронированный корпус частая пулеметная очередь. Башня танка повернулась, наводчик

безошибочно вычислил пулеметное гнездо на углу третьего этажа массивного здания, и в следующую секунду бабахнул выстрел. Там, где минуту назад находился пулеметный расчет, поднялось облако дыма и пыли. Угол здания обвалился; весело брэнча, посыпалась на асфальт мелкая штукатурка.

Не давая немцам передышки, штурмовой отряд, прячась за укрытия, продвигался дальше по улицам, стреляя короткими прицельными очередями. Бой шел всюду. Город, стиснутый в кольцо, продолжал сопротивляться, с большой неохотой оставляя дом за домом, улицу за улицей. В соседнем квартале громко ахнуло, и к небу взметнулся огромный столб тяжелого черного дыма — не иначе, подбили танк или самоходку.

Майор Бурмистров взял трубку: и через грохот боя, не прекращавшийся ни на секунду, услышал голос Велесова:

— Прохор, не могу пройти по улице. Слева от меня стоит бетонированный дот. Два раза поднимались в атаку, и все напрасно! Режет всех, не дает поднять от земли головы. Тебе с твоей стороны будет удобнее нам подсобить.

— Назови поточнее координаты, — громко крикнул в трубку Бурмистров, не очень уверенный, что будет услышан, но Велесов незамедлительно отозвался:

— Дот с правой стороны от тебя, за угловым домом. Сможешь? — спросил он с надеждой.

До дома было километра полтора. Но с этой позиции его не взять — снаряды пройдут рикошетом, нужно выйти на открытое место, а там лупить по доту прямой наводкой!

— Постараюсь, — обнадежил товарища Прохор.

Подозвав к себе командира орудия, Бурмистров показал рукой в дальний конец улицы и сказал:

— Видишь угловое здание? — Не дожидаясь ответа, продолжил: — Пройдешь к нему по противоположной стороне улицы, доберешься до перекрестка и обогнешь это здание. Там увидишь дот. Ударишь по нему так, чтобы этим фрицам тошно стало! — жестко сказал майор. — От-

туда в сторону форта идет со своей ротой Велесов. Не дают наступать, гады! Всех мордой в землю кладут!

— Сделаю, товарищ майор, — ответил сержант и заторопился к расчету.

— Перекатить орудие! — громко выкрикнул он. — Двигаем к перекрестку по противоположной стороне улицы.

Трое артиллеристов подняли станину орудия, а двое стали толкать тяжелые колеса, придавая орудию ускорение. Автоматчики прикрытия, окружив расчет, стреляли по окнам, пресекая всякую возможность высунуться из них неприятелю. Иной раз ответные очереди достигали цели — пули стучали в станину, били по стволу; один из автоматчиков вдруг споткнулся и неловко упал — из пробитой головы на утопанный снег потекла на удивление яркая кровь.

Немного позади, с хрустом давя битый кирпич, под присмотром группы автоматчиков двигался тягач, волоча ящики со снарядами.

В какой-то момент, съехав в небольшую яму, орудие увязло, но, поднатужившись, артиллеристы выдернули тысячекилограммовую громадину и протолкали ее дальше. Двигались умело, споро, на преодоление небольших препятствий слаженному расчету из крепких парней требовались какие-то секунды.

Прокатив орудие пару сотен метров до обломка кирпичной стены, командир орудия скомандовал:

— Стой! — Станины твердо уперлись в землю. — Орудие к бою!

Дот с плоской бетонированной крышей и присыпанный землей, среди разросшегося бука выглядел неприметно. По обе стороны от него тянулись к небу могучие каштаны с поломанными кронами, а между ними топорщились во все стороны сухими ветками магнолии.

Артиллеристы приготовились к стрельбе. Боевой расчет представлял собой единый слаженный механизм, где каждый знал свои действия.

Орудие, спрятанное за обломком стены, со стороны перекрестка не просматривалось. Над кладкой лишь чуть-чуть возвышался ствол, который среди почерневшего, обожженного огнем ландшафта был неразличим.

— Поднести два ящика осколочно-фугасных, — громко скомандовал командир.

Четверо бойцов стащили с кузова тягача два ящика со снарядами и заторопились к орудию.

Через открытое окно в щите пушки был виден широкий перекресток, частично заваленный кирпичами от разрушенных зданий. На тротуарах и на дороге валялись трупы убитых солдат, живым сейчас было не до них. Немного дальше в широком переулке располагался хорошо укрепленный бетонированный ДОТ. Пулеметный расчет немцев патронов не жалел, молотил веером — справа налево и слева направо — длинными очередями по штурмовикам, затаившимся за каменными укрытиями; по переулку, из которого, разбрасывая осколочные мины, палил миномет; бил по углам, откуда липкой огненной плазмой могли пальнуть огнеметчики. Свинец безжалостно терзал все живое, а то, что было построено из камня, превращал в щебень и пыль.

— Вдарим по доту, — сказал командир орудия наводчику. — Чтобы фрицам и на том свете тошно было!

— Понял, товарищ сержант.

— Заряд уменьшенный, прицел тридцать. — Наводчик установил угломер, прицел. — Взрыватель осколочный.

Четвертый номер расчета быстро заготовил взрыватель к осколочному действию. Пятый и шестой номера прислуги выкопали ямки на глубину лопаты и установили в них сошки станины. Орудие готово к бою.

— Наводить в основание дота.

Наводчик энергично завращал подъемным и поворотным механизмами.

— Готово! — объявил он.

Командир орудия проверил наводку. Все было в порядке. Подняв руку, он резко ее опустил, громко выкрикнув:

— Огонь!!

Шарахнул выстрел. Через мгновение громыхнул сильный разрыв. Густое темно-серое пылеватое облако на несколько секунд закрыло цель, а когда оно развеялось, то стало видно, что снаряд угодил точно в самое основание ДОТа, скovyрнув его, словно гнилую ракушку. Рядом лежали три растерзанных взрывом трупа в обмундировании немецких пехотинцев, четвертый пулеметчик, волоча покалеченную ногу, удалялся от места взрыва.

Следовало сменить позицию. Быть может, в эту самую минуту какой-то невидимый стрелок на немецкой позиции уже направлял в их сторону противотанковый гранатомет. В запасе минуты две, не больше — нужно как можно дальше уйти от места выстрела.

По сторонам звучали автоматные очереди — к немцам прибывало подкрепление. Намерения очевидны: раздавить артиллерийскую группу вместе с сопровождавшими ее автоматчиками.

— К зданию! В укрытие!!! — закричал командир орудия. — К одноэтажному дому!

Артиллерийский расчет привычно поднял станины, а два бойца, упершись сильными руками в колеса, стали усердно толкать орудие.

Автоматчики двигались впереди — расчищали дорогу для пушки с артиллерийским расчетом, загоняли немцев во дворы, заставляли прятаться в укрытия, залегать, переждать огонь в воронках.

До одноэтажного, наполовину разрушенного здания, где можно было укрыть орудие, оставалось всего метров двадцать, как вдруг командир орудия резко вскинул подбородок и опрокинулся на разбитый кирпич. Пуля попала точно под самый край каски. Сержант умер мгновенно, не осознав произошедшего. Стрелял снайпер и выбрал тот самый момент, когда голова сержанта на мгновение показалась из-за орудия.

На лице наводчика застыла растерянность, глаза расширились, будто вопрошая: «Как же так? Как это случи-

лось?» Затем он посмотрел по сторонам, словно бы просил у окружающих участия, а потом неожиданно громким, басовитым голосом скомандовал:

— Орудие к бою!!!

Артиллеристы как будто бы ждали именно этой команды. Под прикрытием штурмующей группы в несколько секунд сняли чехлы с дульного тормоза, с казенника, закрепили панораму в корзине и установили орудия для стрельбы прямой наводкой. Потребовалось всего лишь несколько секунд, чтобы зафиксировать орудие в неподвижном положении. Пули нещадно молотили в бронированный щит; срикошетив, уходили в небо; вспахивали под ногами землю; свистели над головой; осколки, немисливо меняя траекторию, пытались залететь за щит. Все тщетно!

Артиллерийский орудийный расчет воевал вместе почти год. Это уже фронтовая семья. На войне такая продолжительность в ведении боевых действий редкость. Прошли через многое. Командир орудия, несмотря на молодость, был опытным артиллеристом, одним из лучших в полку, а может быть, даже в дивизии. И вот как оно вышло... Погиб в городском бою, в чужой стране, на улице с труднопроизносимым названием. Оставить безнаказанной смерть командира нельзя, фрицы должны поплатиться, даже если им предстоит всем сгинуть в этом бою.

— Это был снайпер, сука, — сказал заряжающий, взглянув из-за щита.

— Командир, он на крыше затаился, под самой трубой. Вон каска его торчит, — высказался четвертый номер, отличавшийся острым зрением.

— По живой цели на крыше противоположного здания, ориентир — труба, — громко скомандовал первый номер, ставший командиром орудия. — Осколочно-фугасным с уменьшенным зарядом... Угломер — сорок пять, прицел — пятнадцать. Взрыватель — осколочный.

Четвертый номер приготовил взрыватель к осколочному действию — быстро свинтил колпачок, закрывавший мембрану.

— Навести ствол под самое основание трубы... Один заряд!

Переломив ход скоротечного сражения, к переулку подошло второе отделение штурмующих. Немцы нехотя отступали, на шаг, другой, сдавали обжитые позиции. Снайперы, засевшие на крышах, вели эффективную стрельбу, выводя из боя то одного, то другого бойца. Из подвала дома, стоявшего на перекрестке, полыхнуло белое пламя, а за ним поползло густое черное облако, тяжело стелющееся по земле. Копоть укладывалась на стены домов, липла на лица бойцов, смешавшись с дымом орудий, образовывала непроглядную серую завесу.

— Готово!

— Огонь!!

Прозвучал выстрел. Снаряд, взорвавшись на крыше, на мелкие осколки расколотил черепицу, разлетевшуюся по дворам, переулкам, улицам. Разбил кирпичную трубу и, словно поломанную куклу, взрывной волной швырнул на землю затаившегося снайпера.

— Осколочно-фугасный снаряд с ударным взрывателем, — скомандовал новый командир орудия, заметив на втором этаже фаустпатронника. Затаившись, тот чего-то выжидал. — Отражатель — ноль! Угломер — двадцать девять.

С северо-восточной стороны города стрельба усиливалась: тяжелые орудия колотили по Цитадели. Крепость сдаваться не желала. Оставалось только удивляться твердости ее крепостных стен. Достаточно шести артиллерийских снарядов, чтобы разрушить целое здание, а по фортам Цитадели долбили каждый день по несколько часов кряду, а она продолжала возвышаться вопреки всем военным, механическим и физическим законам, и горделиво посматривала непробиваемыми башнями на город, лежавший в руинах.

— Огонь!! — стиснув зубы, приказал двадцатилетний командир орудия.

Снаряд, пролетев две секунды, пробил стену под самым окном и разорвался где-то внутри помещения, выбив оставшиеся окна. Внутри ярко полыхнуло пламя, его длинные ярко-красные языки, словно изголодавшись, стали жадно лизать побитые осколками стены. Не насытившись, пламя добиралось до деревянных перекрытий и уползало в глубину здания за новой поживой.

Глава 5

НЕ ПЕРЕЖИВАЙ, НЕ ВПЕРВОЙ!

К немцам подоспело подкрепление из Цитадели, состоявшее из кадровых частей, что стало понятно с первых минут боя. Враг воевал грамотно, по всем законам военной науки. Старался внести сумятицу — появлялся неведь откуда и так же внезапно исчезал; хотел раздробить штурмующую группировку, чтобы уничтожить ее по частям.

В какой-то момент Бурмистров ощутил, что натиск усиливается, что его обстреливают не только с фронта, но и с флангов, палили даже с тыла.

Полковые орудия, установленные с флангов, не прекращали огня, не давали возможности немцам приблизиться. Одна беда — были перебиты гусеницы тягача, и снаряды приходилось волочить на себе, что значительно уменьшало мобильность, сокращало возможность для маневра.

Зажатый в самом центре улицы, майор Бурмистров не мог развернуться ни направо, где немцы успели соорудить нагромождения из поломанной техники, ни налево, где из соседнего переулка шел плотный зенитный огонь, разрывавший на куски все живое, — зрелище было сильное, очень страшное, имевшее мощнейший психологический эффект. А самое скверное — позиция у зенитки была подобрана столь умело (в узком переулке между двумя зда-

ниями), что ее невозможно было достать никакой артиллерией. Продвигаться дальше стало невозможно. Зенитку следовало уничтожить. За штурмовыми батальонами пойдет пехота — закреплять отвоеванные территории, вот она и попадет под ее губительный огонь.

Можно было бы достать зенитку фаустпатроном, его разрушительной мощности будет достаточно, чтобы накрыть сразу всю прислугу. Вот только как добраться до этой зенитки? Вокруг нее злыми церберами стояли автоматчики, пресекая всякую попытку приблизиться к орудию.

Вполне по силам справиться с зениткой среднему танку, но он хорош в поле, где колоссальная возможность для маневра. В узком же переулке, из которого била зенитка, не было возможности не то чтобы навести орудие на цель и выстрелить, а даже в случае необходимости развернуться — зенитка, стоящая в переулке, успела пристрелять вокруг каждый метр и уничтожит танк мгновенно, едва он окажется в поле ее видимости.

Проход Бурмистров понимал, что установившееся равновесие не может продолжаться бесконечно. Немцы чего-то ждут, скорее всего, подкрепления, и когда оно подойдет, то зенитное орудие выдвинется из переулка на улицу, где застрял штурмовой отряд майора Бурмистрова, чтобы уничтожить его в течение одной минуты и тем самым поставить точку в затянувшемся противостоянии.

Следует поторопиться.

— Свяжись с Велесовым, спроси у него, как там дела.

— Ива, я — Сокол, прием... Как слышите меня? — кричал связист, младший сержант Миронов.

Парень родился с сильным и густым голосом. С таким басом надлежало бы стоять у орудия и кричать: «Огонь!» Можно не сомневаться, что он сумел бы перекричать даже гаубичные залпы.

Неожиданно он умолк. Некоторое время радист просто вслушивался в речь, заглушаемую частыми разрывами, а потом коротко ответил: